

Русский Икар

Предслава и Добрыня: Исторические повести русских романтиков / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. В. Ю. Троицкий. -- М.: Современник, 1986.

OCR Бычков М. Н.

Кому не известен сын Дедала, Икар, улетевший с острова Крита с отцом своим от преследований Миноса на крыльях, которые Дедалу удалось сделать, но свидетельству Овидия, из перьев и воска. Кто не знает, что Икар, несмотря на предостережения отца, слишком приблизился к солнцу, что солнечные лучи растопили воск, скреплявший перья его крыл, и что он упал в море. Хотя многие, достойные уважения новейшие писатели и не верят этому событию, называя его баснословным и доказывая, что Икар с отцом бежал с Крита на легком корабле, снабженном, против обыкновения древних, не одним парусом, а многими, и что он упал в море с корабля, а не с неба, но вольно им толковать по-своему повествование древности. В нынешний век скептицизма европейцы готовы во всем сомневаться. Скоро дойдут они, пожалуй, до того, что перестанут даже верить превращению Юпитера в вола, который перевез на себе через море дочь царя Агенора, Европу, с финикийских берегов на остров Крит, и таким образом будут отвергать событие, без которого не было бы на свете и самих европейцев.

Итак, первоначальная мысль -- летать по воздуху -- должна быть приписана древним грекам. Если же нынешние скептики-европейцы действительно захотят опровергать это, считая полет Икара и отца его баснословным, и приписывать себе славу изобретения, которое возвысило человечество на неслыханную высоту, то они очень ошибутся в своем расчете. Слава эта принадлежит Азии. Да, господа европейцы, Азии! Мы представим неопровержимые доказательства, и досада ваша тем более увеличится, что пальму первенства в воздухоплавании принуждены вы будете вручить -- не эдинбургскому доктору Блаку, который, пользуясь открытием английского химика Кевендиша, наполнял водородным газом тонкие пузыри и тешился, пуская их по воздуху; не итальянцу Кавальо, который, долго трудясь над воздушным шаром, кончил свои глубокие изыскания объявлением, что пузыри для шара слишком тяжелы, а клееная бумага пропускает сквозь себя воздух, и начал пускать к потолку своей комнаты мыльные пузыри, наполненные газом; не француззу Монгольфье, который поднялся на шаре в первый раз, в октябре 1783 года, на 50 только футов и удивил жителей Парижа,-- а русскому крестьянину Емельяну Иванову. Утверждайте же, что Россия, до ее преобразования Петром Великим, была азиатская держава! Тем хуже для вас, потому что вместе с тем вы принуждены будете сознаться, что, к стыду английского химика, шотландского доктора, итальянского физика и французского бумажного фабриканта, первый шаг к воздухоплаванию сделал азиатец, русский крестьянин, еще в 1695 году, следовательно за 71 год прежде Блака, за 87 лет прежде Кавальо, и за 88 прежде Монгольфье. В этом может убедить вас следующая историческая повесть, основанная на дневных записках одного из современников знаменитого Емельяна Иванова. И вас, любезные соотечественники, просим обратить внимание на эту повесть. Вероятно, многие из вас, по известному пристрастию ко всему иностранному, считали до сих пор Монгольфье первым воздухоплателем и даже не слыхали об Иванове.

Верст за полтора от Москвы, в одной из принадлежавших патриарху деревень, имя которой, к сожалению, не сохранилось в наших летописях, жил в конце семнадцатого столетия, во время царствования Петра Великого, вдовый крестьянин Архип Иванов. Он имел трех сыновей. Двое из них были парни умные, а третий... глупец, скажет иной читатель, вспомнив известное всей России сказание о Емеле-дурачке,-- и очень ошибется. Хотя младшего сына и звали Емельяном, но он вовсе не походил на своего знаменитого тезку. Братья его в молодых еще летах умерли, и у старика Архипа осталось в жизни одно утешение: его младший сын, да и с тем бедняк жил в разлуке, ибо сроду не бывал в городе, выезжая из деревни только по праздничным дням в ближнее село Стояново, за обедню; Емельян же, промышляя себе хлеб извозом, жил постоянно в Москве. Там завел он обширное знакомство и до того просветился, что даже выучился кое-как грамоте, которую считал прежде чародейством. К просвещению его немало способствовали разговоры со служками Заиконоспасского монастыря, куда он часто возил, по найму, с рынка разные припасы для Славено-греко-латинской академии, которая в этом монастыре помещалась.

Накопив изрядную сумму денег, поехал он, в апреле 1695 года, в деревню, повидаться с отцом.